

УДК 343.2

ББК 67.408

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В МЕЖДУНАРОДНОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Н. А. Каменский

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Рассматриваются вопросы международного и зарубежного правового регулирования ответственности за злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях. Проводится анализ места данных преступлений в системе уголовного законодательства в различных государствах.

Ключевые слова: ратификация международных конвенций, выполнение рекомендаций Группы государств против коррупции, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

QUESTIONS OF REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST INTERESTS OF SERVICE IN COMMERCIAL AND OTHER ORGANIZATIONS IN THE INTERNATIONAL AND FOREIGN LEGISLATION

N. A. Kamensky

Tambov State University named after G. R. Derzhavina (Tambov, Russia)

The article deals with the issues of international and foreign legal regulation of responsibility for abuse of power in commercial and other organizations. The analysis of the place of these crimes in the system of criminal legislation in different States is carried out.

Keywords: ratification of international conventions, implementation of the recommendations of the Group of States against corruption, crimes against the interests of service in commercial and other organizations.

Одной из важнейших предпосылок успешного решения задач в сфере борьбы с коррупцией является наличие развитой международно-правовой базы. Анализ международного и зарубежного законодательства необходим, во-первых, для выполнения международных обязательств Российской Федерации; во-вторых, для организации международного сотрудничества, так как правовая помощь и выдача лиц, подозреваемых в совершении преступлений, осуществляются только при наличии «двойной криминализации»; в-третьих, с учетом зарубежного и международного опыта правового регулирования возможно последующее заимствование их отдельных положений российским национальным уголовным законодательством. А. В. Шнитенков отмечал, что сравнение правовых систем весьма полезно как с точки зрения уяснения положительного опыта законодательного регулирования соответствующих общественных отношений, так и в целях недопущения возможных законотворческих ошибок в той или иной сфере [1, с. 53].

Основными международными правовыми документами в сфере борьбы со злоупотреблением полномочиями в коммерческих и иных организациях являются международные договоры Россий-

ской Федерации. Важное значение имеют в первую очередь международные конвенции, ратифицированные Российской Федерацией. Среди них необходимо указать:

- Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) (далее Конвенция ООН против коррупции) [2];
- Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию г. Страсбург, 27 января 1999 г., ETS № 173 (далее Страсбургская Конвенция) [3];
- Конвенцию о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках (принята Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 г.) (далее Конвенция ОЭСР) [4].

В международных конвенциях и рекомендациях Группы государств против коррупции (ГРЕКО) вопросы борьбы с коррупцией рассматриваются достаточно широко.

Конвенция ОЭСР представляет собой интересный пример взаимодействия международного и внутригосударственного права. В Конвенции (ч. 4 ст. 1) определение «иностранное должностное лицо» означает любое лицо, занимающее назначаемую или выборную должность в органе законодательной, исполнительной или судебной власти иностранного государства, любое лицо, отправляющее государственные функции для иностранного государства, в том числе и для государственного органа, предприятия или учреждения, а также любое должностное лицо или представителя международной организации [5].

Страсбургская конвенция относит к коррупции два вида деяний — активный подкуп и пассивный подкуп. Кроме того, в ней разделяется криминализация деяний в публичном и частном секторах. Ст. 12 Страсбургской конвенции (Злоупотребление влиянием в корыстных целях) предусматривает, что каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве уголовных правонарушений в соответствии с ее внутренним правом преднамеренное обещание, предоставление или предложение, прямо или косвенно, любого неправомерного преимущества любому лицу, которое утверждает или подтверждает, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие решения каким-либо лицом, о которых говорится в Конвенции, за вознаграждение, независимо от того, предоставляется ли такое преимущество ему самому или кому-либо еще, а также просьбу, принятие или согласие с предложением или обещанием предоставить такое преимущество за вознаграждение, независимо от того, оказано ли такое влияние и был ли получен или нет в результате предположительно оказанного влияния желаемый результат [6].

Конвенция ООН против коррупции предлагает странам-участницам признать в качестве коррупции и криминализировать не только подкуп должностных лиц, но и хищения государственного имущества, злоупотребление должностными лицами служебным положением, незаконное обогащение. Уголовно наказуемым предлагается признавать не только предоставление, но и обещание или предложение какого-либо незаконного преимущества, а также вымогательство взятки. Государства призывают ввести уголовное наказание за подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц международных публичных организаций [7].

Ст. 19 Конвенции ООН против коррупции (Злоупотребление служебным положением) предусмотрено, что каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, злоупотребление служебными полномочиями или служебным положением, т. е. совершение какого-либо действия или бездействия в нарушение законодательства, публичным должностным лицом при выполнении своих функций с целью получения какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или иного физического или юридического лица.

В соответствии с указанной Конвенцией ООН против коррупции субъектами злоупотребления влиянием в корыстных целях (ст. 18) и злоупотреблением служебным положением (ст. 19) являются «публичные должностные лица», в то время как подкуп в частном секторе и хищение имущества в частном секторе совершается лицом, которое «руководит работой организации частного сектора или работает, в любом качестве, в такой организации» (ст. 21).

Перечисленные конвенции составляют международно-правовой базис противодействия коррупции. Они закрепляют те или иные деяния как различные видов коррупционных действий, правила

установления юрисдикции над такими преступлениями, общие указания по осуществлению уголовного преследования, а также основы международного сотрудничества государств по борьбе с коррупцией.

Вместе с тем, как верно отмечает В. И. Михайлов, «названные международные акты не обязывают государства точно использовать приведённую в них терминологию при определении соответствующих преступлений в своём законодательстве» [8, с. 94]. Также этот автор подчеркивает, что при анализе положений международных антикоррупционных конвенций следует учитывать как правовые, так и социальные, а также лингвистические аспекты [9, с. 20]. В то же время Т. Я. Хабриева справедливо указывает, что российское государство в борьбе с коррупцией целенаправленно ориентируется на международный опыт, эффективные зарубежные модели, сочетает различные меры противодействия этому явлению [10, с. 6].

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ были внесены изменения, которые в новой редакции изложили приложение 1 к ст. 201 УК России, в результате чего к субъектному составу злоупотребления полномочиями и соответственно коммерческого подкупа были отнесены лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа [11]. По нашему мнению, в данном случае не произошло какого-либо принципиального изменения, так как ранее действующая формулировка вполне охватывала все случаи совершения злоупотребления или подкупа служащими коммерческих и иных организаций.

Вместе с тем вопрос о дальнейшем выполнении рекомендаций ГРЕКО в части определения субъектного состава преступлений в коммерческих и иных организациях продолжает оставаться актуальным для России. ГРЕКО рекомендует привести нормы об уголовной ответственности за коммерческий подкуп, предусмотренные ст. 204 УК России, в соответствие со ст. 7 и 8 Страсбургской конвенции, в частности, в отношении категории подпадающих под действие закона лиц и получения нематериальных преимуществ (рекомендация VI). В этой связи в ст. 204 УК России предлагалось внесение изменений, предусматривающих ответственность за подкуп в отношении любого лица, работающего в коммерческой или иной организации, а также указание на получение либо передачу услуг неимущественного характера, неимущественных прав или иных неправомерных преимуществ. Но разработанный во исполнение данной рекомендации проект федерального закона № 3633–7, который, в том числе, расширял перечень лиц, подлежащих уголовной ответственности, является чрезмерно радикальным в части распространения понятия специального субъекта на рядовых членов трудового коллектива, непосредственно выполняющих работы либо оказывающих услуги. Полагаем, что полное выполнение указанных рекомендаций в настоящее время представляется трудно реализуемым и нецелесообразным, так как коррупционные деяния в коммерческих и иных организациях совершаются именно лицами, выполняющими управленческие функции. В случае с данными рекомендациями речь идёт больше об общем, а не о специальном субъекте преступления.

Федеральный закон № 302-ФЗ от 2 ноября 2013 г. отменил п. п. 2 и 3 приложения 1 к ст. 201 УК России, в которых содержалось правило, что в случае, если преступление причинило вред исключительно интересам коммерческой организации, уголовное преследование возбуждалось только по заявлению этой организации или с её согласия. ГРЕКО, признавая это нововведение позитивным, осталась обеспокоена тем, что не было внесено соответствующих изменений в ст. УПК России [12].

На 58-м Пленарном заседании ГРЕКО было отмечено, что согласно рекомендации XXIV необходимо принять законодательные меры в целях установления ответственности юридических лиц за преступления коррупционного характера и обеспечения эффективных и соразмерных сдерживающих санкций в таких делах, включая денежные санкции, в соответствии с требованиями Страсбургской конвенции [13]. При этом ГРЕКО признала, что Конвенция ООН против коррупции, в части установления уголовной ответственности юридических лиц, не носит обязательного характера, однако стоит отметить, что данная Конвенция обязывает государства учредить некую форму ответственности именно за уголовные преступления коррупционного характера.

В итоге ГРЕКО признало рекомендацию XXIV выполненной частично, указав, что ответственность за совершение коррупционных преступлений в интересах или в пользу юридического лица, в достаточной мере охвачены пересмотренными положениями Кодекса об административных правонарушениях, в частности, ст. 19.28, именуемой «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», что соотносится с положениями ратифицированных международных договоров.

Ст. 26 Конвенции ООН против коррупции устанавливает, что ответственность юридических лиц может быть не только уголовной, но и гражданско-правовой, а также административной. В этой связи, по нашему мнению, одним из вариантов возможной реализации международных норм может стать именно развитие гражданско-правовых и административных норм, предусматривающих ответственность коммерческих и иных организаций.

Анализируя не только международное, но и зарубежное законодательство, следует коснуться вопроса о регулировании рассматриваемых отношений и в других странах. По нашему мнению, интерес здесь в первую очередь представляет наиболее часто поднимаемый вопрос о субъектном составе, видовом объекте и месте преступлений в коммерческих и иных организациях в системе особенной части уголовных кодексов.

Конечно, в различных странах есть своя специфика и собственная историческая особенность развития антикоррупционного законодательства. Но в целом следует согласиться с мнением Т. И. Ваулиной в том, что общая направленность криминализации коррупционных деяний в международных соглашениях свидетельствует о сближении разных правовых систем и стремлении использовать соглашения для усовершенствования международного сотрудничества в этой сфере [14, с. 37].

В законодательстве зарубежных стран по вопросу установления уголовной ответственности за преступления, совершаемые служащими коммерческих и иных организаций, можно выделить следующие основные подходы.

Первое: признание служащих учреждений, организаций и предприятий независимо от формы собственности и в отдельных случаях представителей общественности должностными лицами. Данная позиция находит своё отражение в п. 3 ч. 4 ст. 4 УК Республики Беларусь [15], ст. 160 Пенитенциарного кодекса Эстонии [16], гл. 8 УК Республики Болгария [17], пр. 3–5 к ст. 308 УК Азербайджанской Республики [18].

Второе: следующей позицией законодателя является рассмотрение служащих коммерческих организаций в качестве субъектов должностных преступлений только в случаях, когда они наделены специальными публичными полномочиями по осуществлению их от имени и по поручению государства. Признание должностными лицами служащих государственных организаций, назначаемых для работы в негосударственные компании, предприятия, общественные объединения и т. д., закреплено в ст. 93 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики [19]. Согласно ч. 3 ст. 230 УК Литвы к государственным служащим приравниваются лица, имеющие определённые полномочия в международных организациях, а также лица, которые работают в любом из государственных, негосударственных или частных учреждений, предприятий или организаций и имеют определённые публично-административные полномочия или оказывают публичные услуги [20].

Третье: отсутствие выделения служащих коммерческих и иных организаций в качестве специального субъекта преступления при условии, когда интересы службы в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны не рассматриваются, а уголовная ответственность, как правило, наступает на общих основаниях либо за злоупотребление доверием. Указанное обстоятельство находит своё воплощение в § 266 УК ФРГ [21], ст. 314–1 УК Франции [22], ст. 295 УК Испании [23]. Аналогичный подход применяется в уголовных законах Польши, Голландии, Австралии, Японии, модельном УК США и ряде других стран.

Четвёртое: выделение служащих коммерческих организаций в качестве специальных субъектов, но не в рамках самостоятельной главы, а в различных составах уголовного закона. В данном случае ответственность наступает за злоупотребления в сфере предпринимательской и иной деятельности, против собственности и т. д. Подобные нормативные положения закреплены, например, в ст. 295 «Злоупотребление полномочиями служащими коммерческих и других организаций», расположенной в гл. 27 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК Республики Таджикистан [24], в ст. 196 «Злоупотребление полномочиями и превышение полномочий» гл. XIX «Преступления в сфере народного хозяйства» УК Латвийской Республики [25], в ст. 364–1 «Злоупотребление полномочиями должностным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы» р. XVII «Преступления в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг [26], в ст. 214 «Злоупотребление полномочиями служащими коммерческих и иных организаций» гл. 22 «Преступления против экономической деятельности» УК Республики Армения [27], в ст. 192.11 «Злоупотребление должностными лицами негосу-

дарственной коммерческой или иной негосударственной организации своими полномочиями гл. XIII «Преступления, связанные с воспрепятствованием, незаконным вмешательством в предпринимательскую деятельность, и другие преступления, посягающие на права и законные интересы хозяйствующих субъектов» р. 4 УК Республики Узбекистан [28].

Пятое: наиболее близкая к российскому национальному законодательству модель разграничения должностных преступлений и деяний, совершаемых служащими коммерческих и иных организаций. В данном случае преступления в коммерческих и иных организациях образуют самостоятельную главу в уголовном законе. Характерным примером является гл. XVI «Преступления, совершённые лицами, управляющими коммерческими, общественными и иными негосударственными организациями» УК Республики Молдовы [29], гл. 40 «Преступления против предпринимательского или другого профессионального интереса» УК Грузии [30], гл. 8 УК Республики Казахстан «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, гл. 28 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» УК Туркменистана [31] и т. д.

Таким образом, в законодательстве зарубежных стран существуют различные подходы к определению субъектного состава, видового объекта и места в системе Особенной части уголовного закона преступлений в коммерческих и иных организациях. Представленный опыт зарубежных государств в сфере регулирования ответственности служащих юридических лиц весьма разнообразен, часто противоречив и изменчив, но необходим и должен быть принят к сведению.

Выражаем солидарность с мнением авторов, указывающих на важность имплементации положений международного права в национальное законодательство. В то же время следует подчеркнуть, что построения уголовно-правовых норм в России должны осуществляться именно с учётом специфики социально-экономической ситуации, реально существующих оснований криминализации негативных явлений в сфере борьбы с коррупцией.

Обобщая изложенное, следует отметить, что после ратификацией Российской Федерацией международных конвенций был принят ряд нормативных актов, в том числе путём внесения изменений в УК России, направленных на борьбу с коррупцией. Вместе с тем реализация их положений и рекомендаций ГРЕКО в национальном законодательстве до настоящего времени реализована не в полном объёме.

Чрезмерная разрозненность, противоречивость в установлении тех или иных правовых предписаний, имеющих принципиальное значение для организации противодействия преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, отсутствие единого понятийного аппарата в международном законодательстве в целом являются причинами того, что отдельные положения международных конвенций до настоящего времени не нашли своего воплощения в национальном российском уголовном законодательстве.

Обобщая изложенное, полагаем, что действующая система определения места в особенной части УК России системы преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях является наиболее оптимальной.

Вместе с тем для борьбы с преступлениями в коммерческих и иных организациях необходим комплексный междисциплинарный подход, включающий в себя меры профилактического характера, реализуемый с помощью не только уголовного и уголовно-процессуального, а также других отраслей законодательства России (гражданского, трудового, административного и иного права).

Библиографический список

1. Шнитенков А. В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях. СПб., 2006.
2. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции : Федеральный закон РФ от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ (по состоянию на 21.12.2018) // СПС Гарант.
3. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию : Федеральный закон РФ от 31 июля 2006 г. № 125-ФЗ (по состоянию на 21.12.2018) // СПС Гарант.
4. О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок : Федеральный закон РФ от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ (по состоянию на 21.12.2018) // СПС Гарант.

5. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Стамбул, 21 ноября 1997 г.) (по состоянию на 17.05.2018) // СПС Гарант.

6. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173 (Страсбург, 27 января 1999 г.) (по состоянию на 17.05.2018) // СПС Гарант.

7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) (по состоянию на 17.05.2018) // СПС Гарант.

8. Михайлов В. И. Международные антикоррупционные стандарты и их отражение в законодательстве Российской Федерации // Уголовное право. 2013. № 5.

9. Михайлов В. И. Некоторые направления совершенствования нормативного правового регулирования государственной антикоррупционной политики с учётом требований международных антикоррупционных договоров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4.

10. Хабриева Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» : Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ (по состоянию на 10.09.2018) // СПС Гарант.

12. Доклад ГРЕКО по итогам Третьего оценочного раунда (п. 33). Второй отчет о выполнении рекомендаций Российской Федерацией в части «Криминализация ETS 173 и 191, GPC 2». Страсбург, 17–21 октября 2016 г. (по состоянию на 19.05.2018). URL: <https://www.coe.int/en/web/greco/home>.

13. Дополнение к докладу о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО (п. 121–129). Принято ГРЕКО на 58-м Пленарном заседании. Страсбург. 3–7 декабря 2012 г. (по состоянию на 19.05.2018). URL: <https://www.coe.int/en/web/greco/home>.

14. Ваулина Т. И. Ответственность за коррупционные преступления: международный и уголовно-правовой аспекты // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 6.

15. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (по состоянию на 01.07.2017). URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes>.

16. Пенитенциарный кодекс Эстонии от 6 декабря 2005 г. № 17 (по состоянию на 01.07.2017). URL: http://www.riigikantselei.ee/arhiiv/rto/pae/2005/pae_nr17_06-12-2005.pdf.

17. Уголовный кодекс Республики Болгарии от 15 марта 1968 года (по состоянию на 27 апреля 2018 г.). URL: <http://www.ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-bolgarii>.

18. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (по состоянию на 04.06.2018). URL: [http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=1\\$-163](http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=1$-163).

19. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. (по состоянию на 04.06.2018). URL: <http://legal-way.ru/other45.php>.

20. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 г. № VIII-1968 (по состоянию на 04.06.2018). URL: http://www.pravo.vuzlib.su/book_z794_page_22.html. (дата обращения: 23.05.2016).

21. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии от 15 мая 1871 г. (по состоянию на 15.05.2003). URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp>.

22. Уголовный кодекс Франции от 1 января 1992 г. (по состоянию на 01.07.2000). URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp>.

23. Уголовный кодекс Испании 1995 г. (по состоянию на 04.06.2018). URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923&subID=100111282,100111284,100111484,100111624,100111687#text>.

24. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (по состоянию на 04.06.2018). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#sub_id=460000.

25. УК Латвийской Республики от 8 июля 1998 г. (по состоянию на 04.06.2018). URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk>.

26. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (по состоянию на 04.06.2018). URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.
27. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. (по состоянию на 04.06.2018). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>.
28. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (по состоянию на 04.06.2018). URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug.
29. УК Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (по состоянию на 04.06.2018). URL: <http://lex.justice.md/ru/331268>.
30. УК Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287-вс (по состоянию на 04.06.2018). URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>.
31. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 221-I (по состоянию на 04.06.2018). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483.